

УДК 94(47).083

ВОЕННЫЕ СОБЫТИЯ 1914 Г. В ВОСПОМИНАНИЯХ И ОЦЕНКАХ ОФИЦЕРОВ «ТЯЖЕЛОЙ КАВАЛЕРИИ» РОССИЙСКОЙ ИМПЕРАТОРСКОЙ ГВАРДИИ

Г. С. ЧУВАРДИН*Орловский
государственный
университет**e-mail: snotra@orel.ru*

В статье рассматривается специфика восприятия офицерами «тяжелой кавалерии» российской императорской гвардии военных событий 1914 – начала 1915 гг. В центре исследовательского интереса оказываются важнейшие социологические и социометрические компоненты, играющие решающую роль в формировании мировоззренческих установок и «поведенческих кодов» гвардейского кавалериста. При очевидной готовности к войне в качестве действенной боевой единицы, гвардейская «тяжелая кавалерия» оказалась неподготовлена к ней в психологическом плане. Это обусловило колоссальные потери первых дней войны, что в свою очередь привело к серьезному психологическому надлому, породившему вялотекущий, но необратимый отток аристократического компонента из гвардейской кавалерии (отток не только в тыл, но и за границу), апатию, переросшую в безразличие по отношению к войне и судьбам монарха и монархии. Был разрушен романтический ореол вокруг кавалерии (в первую очередь гвардейской) как рода войск, который оказался очевидным анахронизмом в войне машин и металла.

Ключевые слова: «тяжелая кавалерия», гвардия, Великая война, гвардейская мемуаристка, офицерское мировоззрение.

На сегодняшний день проблема изучения офицерского состава российской армии в период правления Николая II вызывает живой интерес представителей различных отраслей современного социогуманитарного знания. Пристальное внимание историков обращено к одному из наиболее значимых сегментов русской военной машины начала XX в. – императорской гвардии. Длительный промежуток времени исследование императорской гвардии велось в общем контексте анализа военного потенциала Российской империи. Даже такие признанные мэтры отечественной военной истории, как П.А. Зайончковский, Л.Г. Бескровный, К.Ф. Шацилло, А.Г. Кавтарадзе и ряд других исследователей рассматривали гвардию в общем контексте истории российской военной машины. На современном этапе предпринимаются попытки выделения гвардии в отдельный исследовательский объект либо анализа ее как самодостаточного сегмента российской военной элиты. В этом плане показательны исследования С.В. Волкова, В.В. Серебрянникова, Е.С. Сенявской, Е.Ю. Сергеева, Е.И. Чапкевича и др. Но по-прежнему открытой темой остается анализ специфических особенностей службы в гвардейских полках, особенностей повседневности, атрибутивной составляющей. Пристальное внимание привлекает анализ мировоззренческих установок офицеров-гвардейцев, а также рассмотрение особенностей психоментального пространства.

Предлагаемая статья направлена на выявление содержания общих реакций (рефлексов) представителей офицерского корпуса наиболее престижной части гвардии, «тяжелой кавалерии», на события 1914 г. Данная тема крайне важна не только для понимания специфических реакций на войну гвардейского офицера-кавалериста, она позволяет проследить процесс демаркации «старой армии» довоенного времени от армии, претерпевающей сложный процесс эволюционной ломки, обусловленной войной, вплоть до выявления основных векторов деградации российской военной машины и процессов, повлекших за собой крушение империи. Анализируемое пространство становится более объемным в контексте общего анализа основных индексов, определяющих качество гвардейской «тяжелой кавалерии» предвоенного периода.

Среди воспоминаний о Первой мировой войне гвардейская мемуаристка занимает особое место. Сосредоточимся на воспоминаниях офицеров «тяжелой кавалерии» российской императорской гвардии. Под «тяжелой кавалерией» следует понимать так называемые кирасирские полки – л.-гв. Кавалергардский Ея Величества Государыни Императрицы Марии Федоровны, л.-гв. Конный, л.-гв. Кирасирский Его Императорского Величества и л.-гв. Кирасирский Ее Императорского Величества полки¹. На рубеже XIX-XX вв. кирасиры потеряли свое былое значение и являлись полками так называемого «драгунского типа». Но они продолжали составлять мощный традиционный атрибутивный компонент российской монархии, ведущий свое начало от лейб-регимента А.Д. Меньшикова и ряда драгунских полков эпохи Петра I². К началу Первой мировой войны «тяжелая кавалерия» входила в состав 1 гвардейской кавалерийской дивизии, включавшей в себя три кавалерийские бригады (1-я, 2-я «кирасирские», 3-я казачья) и 1-й дивизион л.-гв. Конной артиллерии. В структурном плане каждый полк «тяжелой кавалерии» делился на четыре эскадрона – первый числился «шефским» или лейб-эскадроном, третий «штандартным», остальные имели порядковый номер 2-й и 4-й. Кроме этого, в полках существовала так называемая «нестроевая команда». Граф А. Игнатьев вспоминал: «Все полки были четырехэскадронного состава»³.

С началом войны распространенной практикой стало обязательное наличие «запасного эскадрона». В ряде полков (в «тяжелой кавалерии» в л.-гв. Кирасирском Его И.В. полку – начальник штабс-ротмистр А.П. Корвин-Вержбицкий⁴) находились пулеметные команды и команды «слабосильных лошадей». За Виленским пунктом «слабосильных лошадей» в 1914-1915 гг. «наблюдал» офицер л.-гв. Кавалергардского полка генерал-майор граф Г.Г. Менгден⁵. А команду слабосильных лошадей в г. Луге возглавлял призванный из запаса штабс-ротмистр л.-гв. Кавалергардского полка А.Г. Чертков⁶. Обязательным компонентом полка являлась «команда связи».

Формально мы можем поделить воспоминания офицеров-гвардейцев на две большие группы: группу официальных и неофициальных воспоминаний. К первой относятся полковые истории и патетические статьи-описания военного и послевоенного периода зачастую явно пропагандистского характера для изданий, рассчитанных на широкую публику. Полковые истории отличались патриотической концепцией. К началу XX в. их изучение входило в подготовку и рядового состава, и гвардейских офицеров. Они продолжали издаваться отдельными гвардейскими объединениями даже в эмиграции. Ко второй группе мы можем отнести мемуары, воспоминания и переписку. Именно в них скрыта интимная оценка событий войны, которые довелось пережить офицерам-гвардейцам. Определенное влияние на характер данной группы оказывают:

1) промежуток написания воспоминаний (период войны (начало-кульминация-катастрофа) – послевоенный период (даже в рамках одного автора эти воспоминания разнятся);

2) политические пристрастия офицеров-гвардейцев;

3) возраст авторов мемуаров;

4) параметр – «коренной или некоренной» офицер и ряд др.

Именно указанный «интимный субъективизм» делает каждое воспоминание уникальным и представляющим существенную ценность. Не вдаваясь в механику источниковедческого анализа, отметим, что в общей массе гвардейских воспоминаний о войне воспоминания гвардейцев-кавалеристов занимают особое место.

¹ Названия полков даны применительно к 1914 г.

² Марков (полковник). История лб.-гв. Кирасирского Ея Величества полка. СПб., 1884.

³ Игнатьев А. Пятьдесят лет в строю. М., 2002. С. 65.

⁴ Там же. С. 27.

⁵ Российский Государственный Военно-исторический архив (далее РГВИА). Ф. 3545. Оп. I. Д. 408.

⁶ Там же.

На основе анализа около 40 наименований различного рода воспоминаний можно сделать следующие выводы. Первое – желание авторов писать о чем угодно, кроме собственно войны. Даже такой оригинальный мемуарист, как Г. Гоштовт, постоянно уводит читателя от темы войны, погружается в воспоминания о мирной жизни, делает пространные отступления философского характера, описывает судьбы своих близких и товарищей безотносительно к войне. Одним словом, война для автора является рутинной, находящейся на заднем плане. Исключение составляют отрывки, посвященные смерти отдельных сослуживцев, но и они выглядят не совсем убедительно. Практически все описания изобилуют высокой патетикой, не позволяющей авторам прибегнуть к осознанной рефлексии. Еще одной характерной чертой является глубочайший пессимизм большинства авторов. Генерал А. Скалон, князь Ф. Юсупов, граф Сумароков-Эльстон, барон Ф. фон-Таубе, В. Шевич, привносят в текстовое поле своих воспоминаний откровенно апокалиптические зарисовки и выводы. Рефреном звучит тема «потерянности», «проклятости» и «смерти».

Необходимо отметить, что анализ воспоминаний гвардейских офицеров периода Великой войны показывает их крайнюю неоднородность в оценках характера войны и в разнице реакций офицерства на сами боевые действия. Уже к концу 1914 г. «бравлада» и «патриотический угар» первых недель войны (в качестве примера: Г. Бенуа следующим образом описывал психологическое состояние своего полка перед отправкой на фронт: «офицеры хорохорились, весело кричали, что, мол, война через 6 месяцев кончится, и они вернутся с победой»⁷. Великий князь Андрей Владимирович писал о том, что части русской армии восприняли войну «с большим подъемом, но без лишнего хвастовства»⁸) сменяются шоком, страхом, а затем апатией. Г. Гоштовт замечает, что до Каушена мы относились к войне как к «безобидному спорту»⁹. Под Каушеном кавалергарды и конногвардейцы потеряли убитыми и ранеными 14 офицеров и 438 солдат. «После же боя под Каушеном, – пишет Г. Гоштовт, – с его многочисленными жертвами, наступил перелом – более серьезное и вдумчивое отношение»¹⁰.

На возросший пессимизм и апатию, прослеживающуюся на всем отрезке описаний войны «послекаушенского периода» (даже спустя несколько лет после ее окончания в эмиграции), повлиял ряд факторов. Речь идет о «психологическом контексте» мемуаристики – она позволяет определить «текст поступка» гвардейского офицера периода Великой войны. Укажем важнейшие параметры:

- а) возрастной параметр;
- б) конфессиональный – национальный фактор;
- в) фактор происхождения (т. н. аристократический параметр);
- г) непонимание целей войны вследствие аполитичности и аристократичности;
- д) слепое доверие «отцам-командирам» и последовавшее вслед за этим разочарование в высшем командном составе гвардии и империи;
- е) слабая подготовленность к реальной войне, порождающая экзистенциальное чувство уязвимости и беспомощности.

Возрастной параметр. К началу войны офицерский корпус «тяжелой кавалерии» претерпел ряд существенных изменений, в первую очередь, стремительное «омоложение». Так, группа гвардейской молодежи в возрасте 19-24 лет в л.-гв. Кавалергардском полку составляла 26 чел., т.е. 50,9% от общего числа офицеров полка. Если к ним добавить группу офицеров в возрасте от 25 до 29 лет – 12 чел., они составят 74%¹¹. В Конной гвардии ситуация была не лучше. К началу войны полк имел значительный некомплект – в его рядах находилось всего 27 человек (к началу XX в. был сверхкомплект – 31 чел.: общее число 62 чел. – штатное расписание кирасирско-

⁷ Бенуа Г. Сорок три года в разлуке // Простор. 1967. № 10. С. 75.

⁸ Военный дневник великого князя Андрея Владимировича Романова (1914-1917). М., 2008. С. 50.

⁹ Гоштовт Г.А. Дневник кавалерийского офицера. СПб., 1914. С. 120.

¹⁰ Там же. С. 121.

¹¹ РГВИА. Ф. 3545. Оп. 1. Д. 408.

го полка 31 чел.) Из них в возрастном отрезке 19-24 года насчитывалось 5 человек, т.е. 18%; в возрастном отрезке 25-29 лет – 11 чел. В совокупности данная группа составляла 59%¹².

Схожей была ситуация и во второй кирасирской бригаде – в л.-гв. Кирасирском Ея И.В. полку эта группа составляла 74%. В л.-гв. Кирасирском Ея И.В. она была 61%, что в общем ситуации не меняло¹³. Средний возраст офицера «тяжелой» кирасирской дивизии к началу Первой мировой войны равнялся 26-27 годам, при этом 3/4 офицеров вообще не имело опыта боевых действий. Генерал А.И. Спиридович отмечал: «Гвардия находилась в прекрасном состоянии для мирного парадного времени, но не для войны».¹⁴ Отсюда проистекают колоссальные потери первых месяцев войны, рождающие пессимизм. Примечательно, что процент потерь у кавалергардов и семеновцев к началу 1915 г. был одинаков – по 37% убитых и раненых¹⁵.

Конфессиональный – национальный фактор. На первом этапе войны сложилась парадоксальная ситуация: отдельные гвардейские полки были укомплектованы более чем на тридцать процентов офицерами-немцами, в том числе и немцами-протестантами. В Конной гвардии средний показатель приближался к отметке в 13%¹⁶, в л.-гв. Кирасирском Ея И.В. превышал 16% (6 офицеров лютеранского и евангелическо-лютеранского вероисповедания)¹⁷. В полку так же был один офицер-католик – Н.Н.Абаканович¹⁸. Значительный процент немцев-протестантов был из Ост-Зей. Следует отметить, что в 1880 г. был издан указ, ограничивающий поступление немцев, выходцев из Германии и Пруссии, на русскую военную службу в качестве офицеров. В данном случае не учитывается параметр так называемых «русифицированных немцев». Речь идет о немцах второго и третьего поколения на русской службе, принявших православие. В качестве примера можно привести статистику л.-гв. Кирасирского Ея И.В. полка – с 1903 по 1914 гг. через полк прошло 14 офицеров православного вероисповедания, имеющих выявленные немецкие корни.¹⁹ Вопрос о том, насколько они были уже «не немцами» и еще «не русскими» весьма сложен. Как показывает практика, значительная часть из них воспринимала себя немцами на русской службе. Причем служили они царю («Престолу»), а не России, и в этом большинство из них откровенно признавалось.

Заслуживает внимания следующий немного курьезный случай, произошедший в Восточной Пруссии: в начале августа 1914 г. л.-гв. Конный полк остановился на ночлег в деревне Ингладен, часть офицеров полка поселили на крайнем хуторе у двух «молоденьких немочек». Эти «немочки», будучи чрезвычайно любезными, во всем стремились угодить офицерам полка. Тогда полковник фон-Валь, желая ответить любезностью на любезность, как и подобает гвардейцу, решил представить им всех собравшихся офицеров. Далее полковник Козлянинов вспоминает²⁰: «Полковник фон Валь..., полковник Гартман, граф Бенкендорф, барон Вольф, барон Багге, барон Унгерн-Штернберг, фон-Рентельн, барон Врангель, фон Струве, Галл, барон Торнау». Удивленные немочки, слыша все немецкие фамилии, воскликнули: «Aber sie sind nicht echte Russen!»²¹

¹² Там же. Ф. 3543. Оп. 1. Д. 3152.

¹³ Там же. Ф. 3547. Оп. 1. Д. 139.

¹⁴ Спиридович А.И. Великая война и февральская революция (1914-1917). Мемуары. Минск, 2004. С. 338.

¹⁵ Общую статистику потерь 1914 г. см.: Зайцов А. Семеновцы в 1914 г. Париж, 1936; Звегинцов В.Н. Кавалергарды в Великой и Гражданской войне. Т. 1, 2. Париж, 1936.

¹⁶ РГВИА. Ф. 3543. Оп. 1. Д. 3152.

¹⁷ Там же. Ф. 3547. Оп. 1. Д. 139. Л. 19.

¹⁸ Там же. Ф. 3543. Оп. 1. Д. 128. Л. 16.

¹⁹ Там же. Оп. 1. Д. 126, 128, 139.

²⁰ Белосельский-Белозерский С.С., кн. История лб.-гв. Конного полка. Т. 3. Париж, 1964. С. 124.

²¹ Но они же не настоящие русские (нем.).

Так как в большинстве престижных гвардейских полков значительный процент составляли немцы, то им приходилось воевать против соотечественников, в том числе против родственников (например, фамилиям Унгернов или Мантейфелей). Офицер л.-гв. Семеновского полка Павел Шостаковский отмечал: «В полку 17 немецких баронов, родственники которых служили в прусской гвардии»²². После начавшейся германофобии, получившей юридическую базу уже в сентябре 1914 г. (например, московская городская управа приняла 9 сентября постановление о прекращении приема подданных воюющих с Россией государств на работу в органы управления²³, что тут же было перенесено на «православных немцев»), происходит стремительное вымывание «немецкого» элемента, в том числе и из гвардейских частей. Большая часть «немцев»-конногвардейцев предвоенного призыва успешно пережила войну и оказалось за границей в европейских армиях, в том числе и армии нацистской Германии – бароны Г.К. Багге-аф-Боо и Г.Г. Кнорринг.

Фактор происхождения (так называемый аристократический параметр). После гибели ряда представителей высшей аристократии в первых сражениях войны начался ее «принудительный отток» из действующих гвардейских частей. Князья, графы, бароны, сыновей которых в 1914 г. в Кавалергардском полку было 31%²⁴, в Конном – 37,5%²⁵, в л.-гв. Кирасирском Ея И.В. – 14%²⁶ (не являлись в этом плане исключением и полки 2-ой гвардейской кавалерийской дивизии – в первую очередь л.-гв. Гусарский Его Величества и л.-гв. Уланский Ея И. Величества) стремились удалить своих чад с поля боя, и это удавалось им вполне успешно. На имя императора пошли прошения о приостановлении использования императорской гвардии, особенно «старой гвардии» и, в первую очередь, гвардейской кавалерии в боевых действиях, так как «идет прямое истребление цвета русского офицерства»²⁷. Вследствие этого значительное число «довоенных офицеров», особенно титулованных, переводится в тыл, а гвардия оказывается в резерве Главного Командования.

Процесс подхлестнули два чрезвычайных случая, произошедшие с «самыми любимыми» великими князьями, служившими в л.-гв. Конном и л.-гв. Гусарском Его В. полках. Великий князь Дмитрий Павлович в первые недели войны был «легко контужен артиллерийским снарядом и под ним убили лошадь», а князь императорской крови Олег Константинович – корнет л.-гв. Гусарского полка, скончался в г. Вильно 27.IX.1914 г.²⁸, что вызвало настоящий шок в царской семье. Ситуация усугублялась еще и тем, что он скончался на руках у отца и матери. Великий князь Константин Константинович лично приколот Георгиевский крест к его рубашке²⁹.

Процесс оттока стал необратим после поражения Наревской армии генерала от кавалерии А.В. Самсонова в районе Танненберга, за которым последовало отступление 1-ой армии генерала П.-Г. К. фон Ренненкампа из Восточной Пруссии. После этого интерес к войне пропал. В большинстве мемуаров последующие события 1915-1917 гг. отображаются весьма схематично. «Гвардейская молодежь» военного времени в своих воспоминаниях почти сразу же переключается на события Гражданской войны (в качестве примера можно привести воспоминания кирасира барона Розеншильда-Паулина). Война исчезает из описаний, и начинаются картинки тыловой или заграничной жизни.

²² Шостаковский П.П. Путь к правде. Минск, 1960. С. 47.

²³ Гатагова Л. Хроника бесчинств. Немецкие погромы в Москве в 1915 г. // Родина. 2002. №10. С. 19.

²⁴ РГВИА Ф. 3545. Оп. 1. Д. 408.

²⁵ Там же. Ф. 3543. Оп. 1. Д. 3152.

²⁶ Там же. Ф. 3547. Оп. 1. Д. 139.

²⁷ Спиридович А.И. Великая война и февральская революция (1914-1917). Мемуары. Минск, 2004. С. 338.

²⁸ Гавриил Константинович, вел. кн. В мраморном дворце: Из хроники семьи. СПб. – Дюссельдорф, 1993. С. 190.

²⁹ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 660. Оп. 1. Д. 65. Л. 33-34.

Примечательно, что в сентябре 1915 г. во время Свенцянского прорыва на участке фронта Клявны-Шешоли, когда началось наступление дивизии генерала Бекмана, генерал-майор Е.К. Арсеньев³⁰ увел 2-ю бригаду 1-ой гвардейской кавалерийской из-под Скемян без боя. Вслед за Арсеньевым ушел весь конный отряд генерал-лейтенанта Н.Н. Казнакова³¹, оголив фронт протяженностью около сорока верст. С началом боевых действий генерал Н.Н. Казнаков еще трижды, как отмечалось в донесениях, «утрачивал контакт с противником». Естественно о событиях такого рода писать не принято. Резонен вопрос – опасались ли указанные генералы «Высочайшего разнosa»? Позднее такой «разнос» за Стоход получил генерал от кавалерии, генерал-адъютант В.М. Безобразов. Примечателен тот факт, что «угробив» в очередной раз гвардейскую пехоту, генерал умудрился «спасти» кавалерию, а скорее побоялся ее тронуть.

В этом плане весьма показательны воспоминания другого, правда, косвенного участника указанных событий – генерала от кавалерии А.А. Брусилова: «Сам командующий Особой армией генерал-адъютант Безобразов был человек честный, твердый, но ума ограниченного и невероятно упрямый. Его начальник штаба, граф К.Н. Игнатьев, штабной службы совершенно не знал, о службе Генерального Штаба понятия не имел, хотя в свое время окончил академию Генерального штаба с отличием... Командир 1-го гвардейского корпуса великий князь Павел Александрович был благородный человек, лично, безусловно, храбрый, но в военном деле решительно ничего не понимал. Командир 2-го гвардейского корпуса Раух, человек умный и знающий, обладал одним громадным для воина недостатком: его нервы не выносили выстрелов..., он терял присутствие духа и лишался возможности распоряжаться»³². Таким образом, А. Брусилов указывает на очевидное вырождение командования Гвардейского Корпуса и выражает точку зрения, что императорская гвардия является очевидным анахронизмом.

Непонимание целей войны вследствие аполитичности и аристократичности. В ходе боев был выбит значительный процент «довоенного кадрового офицерства» – качественно иной материал, чем офицеры «военного времени». Определения этих групп радикально противоположны: одни – «аполитичные служаки» и другие – «интеллигенты-патриоты». В первом случае аристократ, для которого его Родина – его служба, во втором – человек с ярко выраженными политическими убеждениями – от право-монархических до революционно-демократических. Даже в 1917 г. «некоренной гвардеец» преображенец С.В. Милицин отмечал за своими сослуживцами и подчиненными эту самую аполитичность: «К политическим вопросам равнодушны. Мало их трогают вопросы о судьбе родины»³³. Сам характер войны многими гвардейцами оказался не понятным. Вследствие чего возникло ощущение ее бессмысленности, что четко прослеживается в большинстве воспоминаний.

Слабая подготовленность к реальной войне, порождающая экзистенциальное чувство уязвимости и беспомощности, а также слепое доверие «отцам-командирам» и последовавшее вслед за этим разочарование в высшем командном составе империи. При общей сравнительно высокой оценке подготовленности российской кавалерии к войне уровень готовности «тяжелой кавалерии» расценивался как низкий. Это было связано с рутинными способами подготовки полков, дислоцирующихся в столице (л.-гв. Кавалергардский и л.-гв. Конный полки), к ведению боевых действий (отсутствовала возможность полевых занятий; значительную часть времени съедали многочисленные караулы и т.д.). Временное появление в гвардии «прогрессивных» генералов, подобных П.А. Лечицкому, И.И. Мрозовскому или А.А. Брусилову, общую ситуацию исправить не могло. В

³⁰ РГВИА. Ф. 3549. Оп. 1. Д. 197. Л. 19.

³¹ Панчулидзе С. Сборник биографий кавалергардов. 1826-1908. СПб., 1908. С. 299.

³² Брусилов А.А. Мои воспоминания: Воспоминания. Мемуары. Минск, 2002. С. 246-247.

³³ Милицын С.В. Из моей тетради (Последние дни Преображенского полка) // Архив русской революции, издаваемый Г.В. Гессеном. Т. 2. М., 1991. С. 214.

боевые действия «тяжелая кавалерийская дивизия», ведомая Ханом Нахичеванским, ввязалась по всем правилам «дудергофской тактики»: опять «в лоб» и опять «большой кровью».

Как уже отмечалось, после поражения в Восточной Пруссии начался сознательный отток части офицеров из «обескровленной» гвардейской кавалерии (как писало большинство офицеров – «измучены», «истощены», «обескровлены», «грудь сжимает боль и тоска», «катастрофичная убыль конского состава», «сильно истощен конский состав», «невосполнимые потери офицеров» и т.д.). Примечательно, что в мемуарной литературе гибель офицеров и падеж конского состава, тоже «аристократического происхождения», описывается в однопорядковых эпитетах³⁴. «Тяжелая кавалерия» терпела потери первых месяцев войны наравне со всей остальной армией: «...офицеры несли более кровавую жертву, чем солдаты, и в то же время гораздо труднее сдавались в плен»³⁵.

Качество «не сдаваться ни при каких обстоятельствах» продемонстрировали многие офицеры от генерала до рядового. Так, о выходе из л.-гв. Павловского полка генерал-адъютант Дмитрий Георгиевич Щербачев (командире «сводного отряда» в период первой русской революции) писали: «В 1917 году его ставка была в Яссах, арестовать его был направлен комиссар Рошель с 24 матросами. Щербачев заявил, что большевики изменники Родины, Рошель выхватил револьвер и дважды выстрелил, но промахнулся. Щербачев ударил его стеклом по лицу и разоружил...»³⁶. Определенное влияние на высокую жертвенность оказывали и «чисто гвардейские» психологические установки. В большинстве мемуаров обыгрывалась формула: «Мы должны в случае необходимости возможно дороже продать свою жизнь и никому не отдать свою честь»³⁷. Значительные потери привели к тому, что боеспособность гвардейских полков, участвовавших в боях первых месяцев войны, была фактически сведена к нулю. Как вспоминал князь Белосельский-Белозерский, к октябрю 1914 года «...боеспособность 1-ой бригады к данному моменту сводилась почти к нулю... Одних раненных в Кавалергардском и Конном полках было 150 – 200 человек»³⁸.

Резюмируя общее содержание гвардейской мемуаристики, необходимо отметить тот факт, что практически все престижные гвардейские полки продемонстрировали на поле боя образцы невероятной самоотверженности и мужества. Очевидным становится то, что войну гвардейский офицер понимал как дело своей чести или бесчестия, не считаясь с эмоционально-психологическим фактором. Успех расценивался как достойно выполненный долг, поражение – как бесчестие. Независимо от того, как понималась служба – была ли она призванием или решались чисто карьеристские установки, гвардейский офицер был «полностью погружен» в культурно обусловленное, традиционно скомпонованное идеалистическое пространство его категорических императивов, определяющих его ментальность и формирующих знаковый код его поведения. Данная ситуация была в значительной степени обусловлена традиционно-ритуальным характером основания формирования микрокультурной (субкультурной) среды как отдельно взятого полка, так и всего гвардейского корпуса. Таким образом, понятие «офицерской чести» воспринималось большинством гвардейских офицеров крайне обостренно³⁹.

В качестве ремарки следует отметить, что полная самоотдача гвардии в Первой мировой войне, как это ни парадоксально, сослужила России крайне негативную службу. Значительные потери офицерского состава, формируемого из потомственно-

³⁴ Потери конского состава под Каушеном составили 54 лошади. К середине октября 1914 г. только Конная гвардия лишилась 25 % лошадей.

³⁵ Головин Н.Н. Военные усилия России в Мировой войне // Военно-Исторический журнал. 1993. №2. С. 54, 65; № 4. С. 27.

³⁶ ГАРФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 48. М/ф. 3. Л. 149.

³⁷ Лампе А.А., фон. Путь верных. Париж, 1960. С. 250.

³⁸ Белосельский-Белозерский С.С., кн. История лб.-гв. Конного полка. Т. 3. Париж, 1964. С. 162.

³⁹ Гоштофт Г. Дневник кавалерийского офицера. СПб., 1914. С. 18-19.

го дворянства, дисквалификация офицерского корпуса на фоне разрыва традиционных связей из-за разрушения преемственности поколений в силу колоссальной ротации личного состава в условиях войны, наконец, начавшееся с 1916 г. «разбавление» офицерского корпуса за счет крайне политизированной интеллигенции привели к деградации гвардейского корпуса, чем не преминули воспользоваться силы выкристаллизовавшейся к 1916 г. тайной оппозиции, смыкающейся с группой офицеров Генерального Штаба. Потерявшая свои бывшие ориентиры гвардия, вдобавок ко всему еще и оторванная от императора, оказалась не в состоянии предотвратить долго зревавшую, но все-таки неожиданно возникшую катастрофу, что, в сущности, повлекло за собой крушение всего «старого мира».

MILITARY EVENTS OF 1914 IN MEMOIRS AND ESTIMATIONS OF THE OFFICERS OF "HEAVY CAVALRY" OF THE RUSSIAN EMPEROR'S GUARDS

G. S. CHUVARDIN

Orel State University

e-mail: snotra@orel.ru

The article deals with peculiarities of perception by the officers of "heavy cavalry" of the Russian emperor's guards of the military events in 1914-1915. Major sociological components that play the main role in forming the world view of the cavalymen are in the center of the research.

While being prepared to war, the "heavy cavalry" was not ready to it psychologically. It caused huge losses of the first days of war. That in turn resulted in serious psychological breakdown, which gave rise to irreversible outflow of the aristocratic component from the cavalry (outflow not only in a rear, but also abroad) and indifference to war and to fate of monarch and monarchy. A romantic halo around the cavalry as sort of troops (first of all of the guards) was blasted; cavalry proved to be obvious anachronism in war of machines and metal.

Key words: "heavy cavalry", the guards, Great War, memoirs of the guards, officer`s world view.